

Глава 1

Осенний день, зябко. Он стоит на заросшем травой пустыре позади многоквартирного дома, наблюдает за футбольным матчем. Обычно он — единственный зритель, смотрит, как играют соседские дети. Но сегодня останавливаются посмотреть двое посторонних: мужчина в темном костюме, а с ним девочка в школьной форме.

Мяч вылетает по дуге с левого края — оттуда, где играет Давид. Захватив мяч, Давид легко обходит защитника, выбежавшего ему помешать, и навесным ударом отправляет мяч в центр. Мяч ускользает от всех, ускользает от вратаря, пересекает линию ворот.

Дети играют по будням, команд как таковых у них нет. Мальчики собираются, как им удобно, включаются в игру, выпадают из нее. То их на поле тридцать, то всего полдюжины. Когда Давид только-только влился в эти игры три года назад, он был младшим и самым мелким. А теперь он среди мальчиков покрупнее,

но верток, хоть и высок, быстроног — коварный нападающий.

В игре затишье. Чужаки приближаются; пес, дремлющий у его ног, просыпается и поднимает голову.

— Добрый день, — говорит мужчина. — Что за команды играют?

— Это просто дворовая игра местной детворы.

— Неплохо у них получается, — говорит чужак. — Вы родитель?

Родитель ли он? Стоит ли объяснить, кто он такой на самом деле?

— Вон тот — мой сын, — говорит он. — Давид. Высокий мальчик, темноволосый.

Чужак оглядывает Давида, высокого темноволосого мальчика, рассеянно бредущего по полю без особого внимания к игре.

— Они не думали собрать команду? — спрашивает чужак. — Позвольте представиться. Меня зовут Хулио Фабриканте. А это Мария Пруденсия. Мы из «Лас Маноса». Слыхали о «Лас Маносе»? Нет? Это сиротский приют на том берегу реки.

— Симон, — говорит он.

Симон пожимает руку Хулио Фабриканте из приюта, кивает Марии Пруденсии. Марии, предполагает он, лет четырнадцать, крепко сбитая, с тяжелыми бровями и развитым бюстом.

— Я спрашиваю, потому что мы бы с удовольствием приютили такую команду. У нас есть

настоящее поле с настоящей разметкой и настоящими воротами.

— Думаю, им хватает просто пинать мяч.

— Если не соревноваться, навыков не накопишь, — говорит Хулио.

— Согласен. Вместе с тем, если создавать команду, придется выбрать одиннадцать, а остальных исключить, а это противоречит духу, который им здесь удалось создать. Я так это понимаю. Но может, и ошибаюсь. Возможно, они и вправду хотели бы соревноваться и копировать навыки. Спросите у них.

Мяч у ног Давида. Он делает финт влево, бежит вправо, движется так гладко, что защитник остается не у дел. Пасует напарнику по команде и наблюдает, как напарник безвольно забрасывает мяч в руки вратарю.

— Очень хорош он, ваш сын, — говорит Хулио. — От природы.

— У него преимущество перед друзьями. Он берет уроки танцев, оттого у него хорошо с равновесием. Если б остальные мальчишки брали уроки танцев, у них получалось бы так же.

— Слышишь, Мария? — говорит Хулио. — Может, надо последовать примеру Давида и заниматься танцами.

Мария упорно смотрит прямо перед собой.

— Мария Пруденсия играет в футбол, — говорит Хулио. — Она у нас в команде один из главных бойцов.

Солнце садится. Скоро мальчик — хозяин мяча заберет его («Мне пора»), и игроки разбредутся по домам.

— Я понимаю, что вы им не тренер, — говорит Хулио. — И мне ясно, что вы не поклонник организованного спорта. Тем не менее подумайте — ради этих мальчиков. Вот моя карточка. Им, может, понравится играть командой против другой команды. Очень приятно было познакомиться.

Д-р Хулио Фабриканте, Educador, — гласит карточка. — *Orfanato de Las Manos, Estrella 4*.

— Пошли, Боливар, — говорит он. — Пора домой.

Собака с усилием встает, зловонно пукает.

За ужином Давид спрашивает:

— Что это был за человек, с которым ты разговаривал?

— Его зовут доктор Хулио Фабриканте. Вот его карточка. Он из приюта. Предлагает вам собрать команду, чтобы играть против команды из приюта.

Инес рассматривает карточку.

— *Educador*, — читает она. — Что это такое?

— Затеяливое название учителя.

Когда он приходит на травянистое поле завтра после обеда, доктор Фабриканте уже там — разговаривает с мальчиками, сгрудившимися вокруг.

— Можете и название для своей команды выбрать, — говорит он. — И цвет командных футболок выбрать.

— «Лос Гатос», — говорит один мальчик.

— «Лас Пантерас», — говорит другой.

«Лас Пантерас» мальчикам нравится, а предложение доктора Хулио их, похоже, воодушевляет.

— Мы у себя в приюте зовемся «Лос Альконес» — в честь ястреба, птицы, у которой самый зоркий глаз.

Давид спрашивает:

— Почему вы не назвали «Лос Уэрфанос»?
Неловкая тишина.

— Потому что, молодой человек, — отвечает доктор Фабриканте, — мы не ищем побрякушек. Не просим, чтобы нам подыгрывали из-за того, кто мы такие.

— Вы сирота? — спрашивает Давид.

— Нет, сам я, так вышло, не сирота, но отвечаю за приют и живу в нем. Я питаю громадное уважение и любовь к сиротам, а их на белом свете гораздо больше, чем вы, вероятно, думаете.

Мальчики помалкивают. Он, Симон, тоже молчит.

— Я сирота, — говорит Давид. — Можно мне играть у вас в команде?

Мальчики прыскают. Они привыкли к подначкам Давида.

Дж. М. Кутзее

— Перестань, Давид! — яростно шепчет кто-то.

Пора вмешаться.

— Не уверен, Давид, что ты понимаешь как следует, что такое быть сиротой — настоящим сиротой. У сироты нет семьи, нет дома. Тут-то и возникает доктор Хулио. Он предоставляет сиротам дом. У тебя дом уже есть. — Обращается к доктору Хулио: — Простите, что втянул вас в семейный спор.

— Не за что извиняться. Вопрос, поднятый юным Давидом, важен. Что это значит — быть сиротой? Значит ли это всего лишь, что у тебя нет зримых родителей? Нет. Быть сиротой — на глубочайшем уровне — значит быть одиноким на всем белом свете. В некотором смысле все мы сироты, ибо мы все на глубочайшем уровне одиноки на белом свете. Как я говорю молодежи, вверенной моим заботам, нет ничего постыдного в том, чтобы жить в приюте, ибо приют есть микрокосм общества.

— Вы не ответили, — говорит Давид. — Можно мне играть у вас в команде?

— Лучше играй за свою команду, — говорит доктор Фабриканте. — Если бы все играли за «Лос Альконес», у нас бы не было противников. Никакого соревнования.

— Я не прошу за всех. Я прошу за меня.

Доктор Фабриканте поворачивается к нему, Симону.

— Что скажете, сеньор? Одобряете «Лас Пантерас» как название вашей команды?

— У меня нет мнения, — отвечает он. — Я не хотел бы навязывать свои вкусы этим юношам. — Тут он умолкает. Хотел бы добавить: *...этим юношам, которые, покуда не явились вы, счастливы были играть в футбол по своему разумению.*

Глава 2

Четвертый год они проживают в этом многоквартирном доме. Хотя квартира Инес на втором этаже достаточно просторная для всех троих, он, Симон, по их обоюдному согласию вселился в отдельную квартиру на первом, поменьше и попроще обставленную. Ему она стала по карману с тех пор, как к его зарплате возникла надбавка за увечье спины, которая так и не исцелилась как следует, с тех самых пор, когда он трудился грузчиком в Новилле.

У него есть свой доход и своя квартира, но нет круга общения — не потому, что он нелюдит, и не потому, что Эстрелла — неприветливый город, а потому что он, Симон, давно решил целиком посвятить себя воспитанию мальчика. Инес же проводит дни, а иногда и вечера в заботах о магазине модной одежды, в котором она совладелица. Ее друзья — из «Модас Модернас» и более широкого мира моды. Симон сознательно не интересуется этими дружбами.

Есть ли у нее среди друзей любовники, он не знает и знать не желает — лишь бы оставалась хорошей матерью.

У нее под крылом Давид благоденствует. Он силен и здоров. Годы тому назад, когда они жили в Новилле, приходилось воевать с государственной системой образования. Учителя Давида считали его *obstinado* — своенравным. С тех пор от государственных школ Давида держали подальше.

Он, Симон, уверен, что ребенок со столь явной врожденной смекалкой способен обойтись без формального образования. *Это исключительный ребенок*, — говорит он Инес. — *Кто в силах предсказать, в каком направлении он одарен?* Инес, когда настроена пощедрее, даже готова с этим соглашаться.

В Академии музыки в Эстрелле Давид посещает занятия по пению и танцам. Пение ведет директор Академии Хуан Себастьян Арройо. В танце же его в Академии никто ничему научить не может. В те дни, когда является на занятия, он танцует как ему заблагорассудится, остальные же ученики повторяют за ним, а если у них не получается — наблюдают.

Он, Симон, — тоже танцор, пусть и поздно обращенный, да и без дарования. Он танцует сам по себе, по вечерам, уединенно. Облачившись в пижаму, включает граммофон на небольшую громкость и танцует сам с собою,

зажмурившись, долго — пока ум не опорожняется совсем. Затем Симон выключает музыку, ложится в постель и спит сном праведных.

Почти все вечера музыка — танцевальная сюита для флейты и скрипки, сочиненная Арройо на смерть своей второй жены Аны Магдалены. У танцев нет названий, у записи, подготовленной где-то в подсобке какой-то лавки в городе, нет этикетки. Музыка же медленная, величественная и печальная.

Давид не снисходит до посещения обычных уроков, особенно до упражнений по математике, в отличие от всех нормальных десятилеток, из-за предубеждения против арифметики, которую поддерживала в нем покойная сеньора Арройо: она внушила ученикам, прошедшим через ее руки, что целые числа — это божеества, небесные сущности, они существовали до того, как возник физический мир, и продолжают существовать после того, как мир завершит быть, а потому заслуживают почтения. Смешивать числа между собой (*adición, sustracción*), или рубить их на куски (*fracciones*), или применять их к измерению количеств кирпичей или муки (*la medida*) — значит оскорблять их божественность.

На десятилетие они с Инес подарили Давиду часы, Давид отказывается их носить, потому что (как он говорит) они навязывают числам

круговой порядок. Девять часов — перед десятью часами, говорит он, но девять — ни перед, ни после десяти.

К приверженности сеньоры Арройо к числам, воплощенным в танцах, которые она преподавала своим ученикам, Давид добавляет свой идиосинкразический штрих: соотносит числа с определенными звездами на небе.

Он, Симон, не понимает философии чисел (про себя он считает ее не философией, а культом), проповедуемой в Академии: открыто — почившей сеньорой, сдержаннее — вдовцом Арройо и его друзьями-музыкантами. Симон не понимает этой философии, но относится терпимо не только из-за Давида, но и потому, что, когда находит на него подходящая настрой, его, Симона, посещает видение — мимолетное, неуловимое — того, о чем говорила сеньора Арройо: серебристые сферы, их так много, что и не сосчитаешь, они с неземным гулом вращаются друг вокруг дружки в бескрайнем пространстве.

Он танцует, у него видения, но он все равно не считает, что его обратили в культ чисел. Для видений у него есть разумное объяснение, и оно его почти всегда устраивает: убаюкивающий ритм танца, гипнотический напев флейты наводят транс, в котором со дна памяти подтягиваются осколки — они-то и вращаются перед мысленным взором.